ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

АВГУСТ 26 СРЕДА 1936 г. № 197 (3199) ЦЕНА 10 КОП.

БОЛЬШЕВИК

ОРГАН Обкома ВКП(б), ЦИК, СПС Немреспублики, Энгельсского Горкома ВКП(б) и Горсовета

Страна приветствует приговор Верховного суда

С быстротой молнии распространилась по стране весть о приговоре над участниками троцкистско-зиновьевского террористического центра. Вновь вспыхнули грозные митинги трудящихся. К чувству гнева и негодования прибавилось новое чувство—чувство глубочайшей удовлетворенности приговором. В этом приговоре народ увидел свою волю, свое требование.

Вчера рабочие ночных смен, узнав о приговоре, стихийно собирались на митинги. На этих митингах не было официальных докладчиков, каждый рабочий—старый и молодой—считал своим долгом немедленно откликнуться на решение суда и горячо приветствовать его.

Миллионы трудящихся начали свой трудовой день с радостным чувством: гадина раздавлена.

— Только такого решения мы, как и все 170 миллионов советского народа, ждали от суда, — заявили рабочие старейшего индустриального гиганта страны—завода «Красное сормово».

—Нет среди нас ни одного, кто-бы от всей души не одобрил справедливого и единственно правильного приговора Верховного Суда. Стальной стеной стоит весь советский народ вокруг товарища Сталина, — вождя, отца и друга. — Так говорят рабочие Московского завода «Тизприбор».

— Вместе с миллионами трудящихся, — заявляют рабочие Октябрьского завода им. Л. М. Кагановича в Ленинграде, — мы требовали, чтобы фашистская гадина была раздавлена, чтобы приговор пролетарского суда был суров и беспощаден. Военная Коллегия Верховного суда СССР выполнила нашу волю, волю всех трудящихся Советского Союза. Фашистские бандиты — Зиновьев, Каменев, Евдокимов и вся их гнусная свора приговорены к расстрелу. Правильное и справедливое решение. Никакой пощады врагам народа! Раз и навсегда нужно покончить со всякой нечистью, положить конец посягательствам на жизнь наших любимых вождей, на жизнь нашего дорогого отца и учителя тов. Сталина. Выражаем пролетарское спасибо органам Народного Комиссариата Внутренних Дел, раскрывшим троцкистско-зиновьевскую банду.

— Советский Суд вынес единственно правильное решение — уничтожить взбесившихся собак. Собакам — собачья смерть, — вот как отвечают миллионы трудящихся на приговор суда. Народ отлично понимает, что с предателями, изменниками, террористами и шпионами можно разговаривать только на языке свинца. Пусть над этим хорошенько поразмыслят все те, кто еще питает надежды поколебать мощь советского государства. Террористов и шпионов ждет только одно—пуля! Враг будет раздавлен беспощадно, так, как раздавлена троцкистско-зиновьевская банда.

В эти дни советский народ стал еще более сплоченным, еще более единым. Перед лицом грозившей опасности каждый трудящийся как бы обвел глазами нашу родину и еще раз увидел, какой прекрасной и могучей она стала, как бесконечно дорого все то, что завоевано нашим трудом, какой радостной стала жизнь в стране социализма. Вновь и вновь у каждого появлялось чувство горячей благодарности, любви и преданности к Сталину, к тому, кто ведет наш народ от победы к победе, к тому, кто сделал наш народ самым могучим и счастливым в мире, к тому, кто, как внимательный и нежный отец, воспитывает наших детей.

Рабочие, работницы, инженеры, техники и служащие Московского завода «Красный богатырь», отражая чувства и настроения всего советского народа, в своем письме к тов. Сталину заявляют:

— Дорогой наш товарищ Сталин! Не было предела нашему гневу, когда мы узнали, что враги готовили главный свой удар против Вас, покушаясь на Вашу жизнь, столь дорогую каждому честному гражданину нашей великой страны. Подлые троцкистские иуды хотели отнять у народов Советского Союза самое дорогое, самое близкое, что дала нам пролетарская революция. Но они просчитались. Их злодейским замыслам не суждено было осуществиться. Жалкие выродки, они забыли, что Сталин — это рабочие, колхозники, трудовая советская интеллигенция,— это весь советский народ.

Процесс над троцкистско-зиновьевским террористическим центром был наглядным уроком классовой борьбы. На скамье подсудимых сидел хитрый и опасный враг, пытавшийся использовать всякую лазейку для осуществления своих преступных планов. Тысячи хитростей пускал он в ход, чтобы навредить, напакостить стране социализма. На скамье подсудимых сидели те, об опасности которых не раз напоминал тов. Сталин. Многому должны научиться трудящиеся и особенно коммунисты на примере этого процесса.

Немало есть таких коммунистов, которые, как попугаи повторяют заученную формулу о борьбе с остатками капиталистических элементов. Но они не представляют конкретно, что это за остатки и на какую пакость они способны. Есть немало в наших рядах Маниловых, считающих, что борьба уже закончена и можно почивать на лаврах. А между тем, враг, именно потому, что его разбили, загнали в угол, становится еще боле изощренным, увертливым.

Есть коммунисты, которые, выступая с докладами не преминут сказать о капиталистическом окружении. Но они имеют о нем представление лишь в самой общей форме. Надо понять, что капиталистическое окружение — это не только опасность войны. Перед судом прошла целая банда шпионов, террористов и агентов Гестапо, присланных из-за границы и действовавших в СССР по указаниям Троцкого. Вот эту сторону капиталистического окружения надо всегда иметь в виду, надо знать, что еще не все вражеские отряды уничтожены.

— Мы даем клятву, — говорят в своей резолюции рабочие Электрокомбината, — священную клятву товарищу Сталину, ленинско-сталинскому ЦК партии, нашему советскому правительству, что каждый из нас на каждом шагу будет проявлять революционную бдительность. Мы даем клятву, что мы будем зорко охранять живой неприступной стеной драгоценную жизнь наших руководителей, жизнь самую ценную для человечества,— жизнь товарища Сталина.

К этой священной клятве присоединяется вся страна.

Злодеи—террористы, осужденные судом, понесли заслуженную кару. Приговор суда приведен в исполнение. Чище стал воздух, легче стало дышать после того, как раздавлена эта погань. Новыми силами наливаются мускулы, еще веселее зашумят станки, быстрее задвигаются руки, новыми стахановскими рекордами будет отмечено ближайшее будущее. Страна пойдет своей дорогой к завоеванию новых вершин человеческого счастья.

Но всегда, в любой обстановке мы должны помнить, что еще не все вражеские гнезда обнаружены, и что только большевистская бдительность поможет их выявить и развеять впрах.

(Передовая «Правды» за 25 августа).

Приветствие наркома земледелия СССР тов. Чернова комбайнеру тов. Денингу

Москва, 22 августа 1936 г.

Мариентальская МТС, комбайнеру-орденоносцу тов. Денингу

Вместе с Вами радуюсь выполнению данного Вами обещания дорогому вождю и учителю товарищу СТАЛИНУ. Максимально используйте комбайн на уборке поздних культур. Учите и воспитывайте новые кадры, главным образом, комбайнеров.

Чернов.

Обязательство выполнено

Москва, ЦК ВЛКСМ—тов. **Косареву.**
Саратов, Крайком ВЛКСМ—тов. **Назареву.**
Энгельс, ОК ВЛКСМ—тов. **Кригеру.**

Данное обязательство товарищу СТАЛИНУ—скосить комбайном 600 га,—выполнено. На 20 августа мною убрано 670 га. Сэкономила горючего 10 цент. 96 килограммов. Комбайн в исправности. Продолжаю работать.

Орденоноска **Шура Новичкова.**

Письмо летчика Коккинаки тов. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

21 августа я совершил высотный полет с грузом на двухмоторном транспортном самолете «ЦКБ-26» конструкции инженера С. В. Ильюшина, неся на борту коммерческий груз в 1000 килограммов и достиг высоты 12101 метра, чем самым превысил существующий международный рекорд, который принадлежал мне.

Продолжаю работать над высотными полетами.

Летчик-испытатель **В. Коккинаки.**

23 августа 1936 г.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе
Председательствующего—Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР армвоенюриста тов. УЛЬРИХ В. В.
Членов: Заместителей Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюриста тов. МАТУЛЕВИЧ И. О. и диввоенюриста тов. НИКИТЧЕНКО И. Т.
При Секретаре—Военном юристе 1-го ранга тов. КОСТЮШКО
С участием государственного обвинителя Прокурора Союза ССР—тов. ВЫШИНСКОГО А. Я.

в открытом судебном заседании в городе Москве 19—24 августа 1936 г. рассмотрело дело по обвинению:

1. **Зиновьева** Григория Евсеевича, 1883 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 г. по делу «Московского центра» зиновьевцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 10 лет;

2. **Каменева** Льва Борисовича, 1883 г. рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 г. по делу «Московского центра» зиновьевцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на пять лет и вторично осужденного 27 июля 1935 г. по статье 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 10 лет;

3. **Евдокимова** Григория Еремеевича, 1884 г. рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 г. по делу «Московского центра» зиновьевцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 8 лет;

4. **Бакаева** Ивана Петровича, 1887 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 г. по делу «Московского центра» зиновьевцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 8 лет;

5. **Мрачковского** Сергея Витальевича, 1883 г. рождения, служащего;

6. **Тер-Ваганяна** Вагаршака Арутюновича, 1893 г. рождения, служащего;

7. **Смирнова** Ивана Никитича, 1880 г. рождения, служащего,—всех семерых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

8. **Дрейцера** Ефима Александровича, 1894 г. рождения, служащего;

9. **Рейнгольда** Исаака Исаевича, 1897 г. рождения, служащего;

10. **Пикеля** Ричарда Витольдовича, 1896 г. рождения, служащего;

11. **Гольцмана** Эдуарда Соломоновича, 1882 г. рождения, служащего;

12. **Фрица Давида,** он же **Круглянский** Илья—Давид Израилевич, 1897 г. рождения, служащего;

13. **Ольберга** Валентина Павловича, 1907 г. рождения, служащего;

14. **Берман-Юрина** Конона Борисовича, он же Александр Фомич, 1901 г. рождения, служащего;

15. **Лурье** Моисея Ильича, он же **Эмель** Александр, 1897 г. рождения, служащего;

16. **Лурье** Натана Лазаревича, 1901 г. рождения, служащего—всех в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Осенью 1932 г., по директиве Л. Троцкого, полученной руководителем троцкистского подполья в СССР И. Н. Смирновым, произошло об'единение троцкистских и зиновьевских подпольных контрреволюционных групп, организовавших «об'единенный центр» в составе: Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов).

Об'единение этих контрреволюционных групп было достигнуто на основе применения индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Троцкого, полученным «об'единенным центром» через подсудимых Смирнова, Гольцмана и Дрейцера, в этот период времени (1932—1936 гг.) сосредоточили всю свою враждебную деятельность против советского правительства и ВКП(б) на организации террора в отношении их руководителей.

Судом установлено, что «об'единенным центром» по прямым указаниям Л. Троцкого и Зиновьева было организовано и осуществлено 1-го декабря 1934 г. через подпольную террористическую ленинградскую группу зиновьевцев Николаева—Котолынова злодейское убийство члена президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и члена ЦК ВКП(б) товарища Сергея Мироновича Кирова.

Не ограничиваясь убийством тов. Кирова, троцкистско-зиновьевский центр подготовил ряд террористических актов против тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича Л. М., Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Материалами судебного следствия и признаниями подсудимых Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Мрачковского и Дрейцера установлено, что Л. Троцкий из-за границы и Зиновьев внутри страны усиленно форсировали подготовку убийства тов. С. М. Кирова. В целях форсирования убийства т. С. М. Кирова в июне 1934 г. Каменев по поручению об'единенного троцкистско-зиновьевского центра ездил в Ленинград, где вел переговоры об организации этого террористического акта против т. Кирова с руководителем одной из ленинградских террористических групп —Яковлевым, дело о котором выделено в особое производство.

Судом также установлено, что по поручению «об'единенного центра» подсудимый Бакаев в ноябре 1934 г. также специально выезжал в Ленинград для проверки подготовленности ленинградской террористической группы Николаева—Котолынова к совершению убийства тов. Кирова. На конспиративном собрании членов этой ленинградской террористической группы Бакаев заслушал доклад убийцы тов. Кирова Леонида Николаева и от имени об'единенного троцкистско-зиновьевского центра дал ему и его сообщникам ряд практических указаний по организации убийства тов. С. М. Кирова. В соответствии с этими указаниями Л. Николаев и его сообщники и осуществили 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

Судом также установлено, что в 1934 году подсудимые Бакаев, Рейнгольд и Дрейцер, в соответствии с решениями «об'единенного центра» пытались дважды совершить покушение на тов. Сталина.

В целях наиболее успешного осуществления намеченных «Об'единенным центром» террористических актов, им было организован в 1932 г. в Москве т. н. «Московский террористический центр» в составе подсудимых Рейнгольда, Пикеля и Дрейцера, под непосредственным руководством члена «Об'единенного центра» подсудимого Бакаева.

«Об'единенным центром» было поручено подсудимому Бакаеву практически подготовить осуществление убийства тт. Сталина и Кирова, а члену «Московского террористического центра» подсудимому Дрейцеру была поручена организация террористического акта против тов. Ворошилова.

Не ограничиваясь организацией под непосредственным руководством «Об'единенного центра» ряда террористических актов против руководителей советского государства и ВКП(б), Л. Троцкий в течение 1932—1936 гг. систематически в тех же целях перебрасывал из-за границы в СССР ряд террористов.

В ноябре 1932 г. Л. Троцким были переброшены в СССР Берман-Юрин и Фриц Давид, причем перед от'ездом они были лично проинструктированы Л. Троцким по организации убийства т. Сталина.

В том же 1932 г. Л. Троцким был переброшен из Берлина в Москву террорист Натан Лурье. Совместно с проживавшим тогда в Москве, под видом иностранного специалиста, агентом Гестапо и доверенным лицом Гимлера (нынешнего руководителя Гестапо) Францем Вайцем, Натан Лурье подготовляли покушение на убийство тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и Орджоникидзе.

Зимой 1932—33 гг., после от'езда Франца Вайца из Москвы, Натан Лурье со своей террористической группой продолжал подготовку этих террористических актов совместно с прибывшим в марте 1933 г. в Москву из Берлина подсудимым Моисеем Лурье, также получившим от Троцкого задание форсировать террористические акты против руководителей советской власти и ВКП(б).

В 1934 г., находясь на Челябстрое, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь товарища Кагановича и Орджоникидзе. Наконец, тот же Натан Лурье 1 мая 1936 г., по заданию и предварительному согласованию с Моисеем Лурье, пытался произвести во время первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на тов. Жданова.

Летом 1935 г. Л. Троцким через своего сына Л. Седова был переброшен из Германии в СССР террорист В. Ольберг, воспользовавшийся фиктивным паспортом подданного республики Гондурас. Этот паспорт В. Ольберг приобрел при помощи германской тайной полиции Гестапо, получив предварительное согласие от Л. Троцкого через его сына Седова воспользоваться содействием в этом деле германской тайной полиции.

В. Ольберг по прибытии в СССР связался с контрреволюционной троцкистской террористической группой в гор. Горьком и подготовил ряд террористов, которые должны были 1 мая 1936 г. совершить в Москве на Красной площади террористический акт против руководителей советского правительства и ВКП(б).

Судебным следствием также установлено, что троцкистско-зиновьевский террористический центр одновременно с подготовкой террористических актов против тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича и Орджоникидзе подготовлял террористические акты против тт. Косиора и Постышева через украинскую террористическую группу, действовавшую под руководством троцкиста Мухина, дело о котором выделено в особое производство.

Таким образом устанавливается виновность:

1. **Зиновьева Г. Е.,**
2. **Каменева Л. Б.,**
3. **Евдокимова Г. Е.,**
4. **Бакаева И. П.,**
5. **Мрачковского С. В.,**
6. **Тер-Ваганяна В. А.,**
7. **Смирнова И. Н.**

в том, что они:

а) организовали об'единенный троцкистско-зиновьевский террористический центр для совершения убийств руководителей советского правительства и ВКП(б);

б) подготовили и осуществили 1 декабря 1934 г. через ленинградскую подпольную террористическую группу Николаева—Котолынова и других, осужденных 29 декабря 1934 г. Военной Коллегией Верховного суда Союза ССР, злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

в) организовали ряд террористических групп, подготовлявших убийство тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, — то-есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

8. **Дрейцера Е. А.,**
9. **Рейнгольда И. И.,**
10. **Пикеля Р. В.,**
11. **Гольцмана Э. С.**
12. **Фриц Давида** (Круглянского Илья-Давида Израилевича).
13. **Ольберга В. П.**
14. **Берман-Юрина К. Б.**
15. **Лурье М. И.** (Эмеля Александра).
16. **Лурье Н. Л.**

в том, что будучи членами подпольной контрреволюционной террористической троцкистско-зиновьевской организации, являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, то-есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19-58-8 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 уголовно-процессуального Кодекса РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

Приговорила:

1. **Зиновьева** Григория Евсеевича,
2. **Каменева** Льва Борисовича,
3. **Евдокимова** Григория Еремеевича,
4. **Бакаева** Ивана Петровича,
5. **Мрачковского** Сергея Витальевича,
6. **Тер-Ваганяна** Вагаршака Арутюновича,
7. **Смирнова** Ивана Никитича,
8. **Дрейцера** Ефима Александровича,
9. **Рейнгольда** Исаака Исаевича,
10. **Пикеля** Ричарда Витольдовича,
11. **Гольцмана** Эдуарда Соломоновича,
12. **Фрица Давида,**—Круглянского Илью Давида Израилевича,
13. **Ольберга** Валентина Павловича,
14. **Бермана-Юрина** Конона Борисовича,
15. **Лурье** Моисея Ильича — Эмеля Александра,
16. **Лурье** Натана Лазаревича — всех к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Находящиеся в настоящее время за границей **Троцкий** Лев Давыдович и его сын **Седов** Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых **Смирнова И. Н., Гольцмана З. С., Дрейцера, В. Ольберга,** Фрица **Давида** (Круглянского И. И.) и **Бермана-Юрина** и материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Председательствующий—Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Армвоенюрист В. УЛЬРИХ.

Члены—Заместители Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР:
Корвоенюрист: И. МАТУЛЕВИЧ.
Диввоенюрист: И. НИКИТЧЕНКО.

(ТАСС).

Хроника

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР отклонил ходатайства о помиловании осужденных Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 24 августа с. г. по делу об'единенного троцкистско-зиновьевского террористического центра—Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е., Бакаева И. П., Мрачковского С. В., Тер-Ваганяна В. А., Смирнова И. Н., Дрейцера Е. А., Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Фрица Давида (Круглянского Илья-Давида Израилевича), Ольберга В. П., Берман-Юрина К. Б., Лурье М. И., Лурье Н. Л.

Приговор в отношении всех осужденных—Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е., Бакаева И. П., Мрачковского С. В., Тер-Ваганяна В. А., Смирнова И. Н., Дрейцера Е. А., Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Гольцмана Э. С., Фрица Давида (Круглянского Илья-Давида Израилевича), Ольберга В. П., Берман Юрина К. Б., Лурье М. И., Лурье Н. Л.—приведен в исполнение.

ГАДИНА РАЗДАВЛЕНА

(Письмо рабочих, служащих и ИТР Энгельской беконной фабрики)

Когда мы читали в газетах о судебном процессе над контрреволюционной бандой убийц, сворой псов Троцкого, Зиновьева, Каменева, наши сердца наполнялись безграничным гневом против этих мерзавцев.

Эта шайка мерзавцев стремилась обмануть бдительность партии и пролетариата, чтобы пробраться к руководству.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, в интересах контрреволюционной буржуазии, двурушничая, тайно подготовляли террористические акты против вождей партии и народа, подготовляли гнусное убийство любимого нашего отца и учителя товарища Сталина.

Давно превратившись в головной отряд контрреволюционной буржуазии, озлобившись против всех трудящихся СССР, против социализма, который построили рабочие и трудящиеся советской страны,

По непосредственным указаниям гадины Л. Троцкого, его союзника агента фашистской охранки Зиновьева, совершено подлейшее убийство пламенного трибуна пролетарской революции Сергея Мироновича КИРОВА. Контрреволюционеры-убийцы разоблачены пролетарским судом, приговор которого целиком отвечает единодушному требованию советского народа. Гадина уничтожена. Но мы не ослабим бдительности. Окружим стальной стеной нашего родного СТАЛИНА и не позволим, чтобы по чьей либо вине упал хотя-бы один волос с головы его.

Да здравствует ведущая нас к победам коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует сталинский Центральный Комитет!

Да здравствует гений пролетарской революции, наш отец великий СТАЛИН!

Письмо подписали стахановцы: **Иванова, Смирнов, Свечников, Кочетов, Казанцев** и другие, всего 160 подписей.

Нет иного приговора банде презренных убийц

Круг предательства и двурушничества завершен. Подлые убийцы Зиновьев, Каменев Бакаев и другие приговорены к высшей мере социальной защиты.

—Этот приговор,—говорит инструктор столярной мастерской Литвинов,—выражение воли миллионов. Самое низкое, подлое и грязное, что может существовать в природе—было воплощено в помыслах и действиях этого поганого воронья.

—Нет слов, чтобы выразить все презрение, нашу ненависть,—заявляет мастер столярного цеха этой же мастерской Данченко,—к заклятым врагам трудящихся Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и прочей сволочи троцкистско-зиновьевского пошиба. Самые грязные злодеяния уголовников бледнеют перед преступлением этих белобандитов. История человечества еще не видела подобной гнусности.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Речь государственного обвинителя прокурора Союза ССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО)*

Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев полностью доказана

Я перехожу ко второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого об'единенного центра и к характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых.

Не подлежит никакому сомнению, что об'единение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть, — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и троцкистов и зиновьевцев.

Организация была. Подпольная, контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему оспорить это не удастся. Слишком сильны факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвинение, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная, троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана, как террористическая; что она развернула свою деятельность именно как террористическую деятельность; что она подготовляла террористические покушения и что одно из этих покушений, к нашему величайшему несчастью и ужасу, — злодейское убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова — она и осуществила. Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 г. мы судили «Московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над так называемым «Ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котолынов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД, шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишало нас возможности пред'явить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову, Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу так называемого «Московского центра», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников, что они создавали об'ективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно об'ективным, следствие и обвинительная власть не пред'явили тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинения в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «Московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было, для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом, говоря высоким стилем, они заявляли, что контрреволюция избрала их орудием своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что, кроме моральной и политической ответственности, они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они якобы полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность пред'явления им обвинений в этих пределах.

На суде 15—16 января 1935 г. Зиновьев говорил: «на скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек, с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многое они делали по доверию ко мне, и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца, чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал, как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с данной группой...»

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром, тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении краденого. Это—обычные уловки уголовных преступников: перед лицом более тяжелых преступлений признаваться в более легких преступлениях. Это — способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступникам.

Эту позицию занял и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли — и это не будут они отрицать — Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 г. почти с поличным, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

Зиновьев говорил о «чистосердечном, искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим об'ясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на Ленинградском процессе 15 — 16 января 1935 года. «Верно,—говорил Зиновьев,— что нас судят по об'ективным чертам». Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ним вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертика, ни Каменеза, ни Сахова... Зиновьев говорил, что суб'ективно они были «преданы» рабочему классу.

Тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он и они, 15 его соучастников, были суб'ективно якобы преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции, а об'ективно получалось у них наоборот. Почему получилось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что суб'ективно он был предан рабочему классу, а об'ективно вышло наоборот. Не может быть этого и так не бывает. Если об'ективно действительно получилось так, то это потому лишь, что ваша, обвиняемый Зиновьев, суб'ективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать и об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы скрыть, что и в этот момент вы продолжаете политику двурушничества.

Вы говорили: «я привык чувствовать себя руководителем, для меня играл лично громадную роль именно этот момент». Вы говорили:

«я привык чувствовать себя руководителем и само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства—это или неспр вед ливость, или недоразумение, или на несколько месяцев. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительно думаю, и этим самым я вынимаю из себя последнюю занозу тех преступлений, которые здесь разворачиваются».

«Последнюю занозу» Зиновьев вынул на Ленинградском процессе... Нет, он не вынул, он оставил эту занозу и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать готовить и совершать тягчайшие преступления.

Вы говорили:

«... я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.?»

Вот мысль, которая мучила вас—что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами. Подходя к вопросу, был ли центр, вы говорите: конечно, он был до 1929 года. Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что в сущности говоря, с 1929 года он не действовал. Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр об'единенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко развертывать свою деятельность. В 1933 году он проявляет особенную активность, он подготовляет ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что «это не есть центр, который был в 1926—1927 гг.», и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, «что была группа, которая состояла из Котолынова, Мандельштама, Мясникова и др.». Крупную роль играл Котолынов, о чем Зиновьев якобы узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева—Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступление.

Здесь опять-таки обман, ложь, опять-таки маскировка!

«Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 г. должен был, при всей своей маскировке, признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 г. он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 г. по делу об убийстве тов. Кирова и добавляет: «организационных разговоров у нас не было. Да в этом и не было особой нужды: меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом, и он для меня тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвожденцев будет делать так, как мы скажем». Здесь еще содержится ряд полунамеков, полупризнаний, на основе которых впоследствии только, собрав полностью ряд изобличающих Зиновьева улик, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 г. по делу «Московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкою на то, что он ездил к Левину в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать, вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова «для этой цели». Нет, Бакаев, этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели» как мастер сих дел, террористических дел, и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова? Почему для переговоров с ленинградской группой, с группой будущих убийц тов. Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в об'яснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15—16 января 1935 г. На Бакаева падает выбор Зиновьева,—потому что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной Коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева: «знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...»

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Ну это, знаете, такое иезуитство, что дальше итти некуда. Это похоже на то, как один иезуитский монах, когда его спросили: «проходил ли этот человек здесь?»—ответил, показывая пальцем у себя в рукаве: «здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева. Бакаев ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили «я ему не давал никаких поручений», вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы—и Каменев, и Зиновьев, весь ваш центр вел переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной, уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибун Сергей Миронович Киров. И они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев об'явил «делом чести»—позорно употреблять здесь это слово—скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде. Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуется роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но всю, уголовную ответственность и притом полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова.

Конечно Зиновьев скажет «да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств.

Почти аналогичная позиция была на том же процессе и у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «Московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорит, что поскольку этот центр был и это доказано, он за него отвечает...

У Каменева так выходило, не знал, что был центр, но если центр был значит знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал... Это было доказано. А теперь это подтверждено новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаек, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев пытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: я ослеп—дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается действовал, в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием.

Какой-то спиритуализм, спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали, как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп, потому что он действовал и словом и молчанием. Молчанием—когда он не говорил: «не действуйте», когда он обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: действуйте, когда может быть, некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как к наставнику.

Каменев заявил:

«Я хочу сказать, не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал».

С кем разговаривал?

«С Толмазовым и Шацким». А Толмазов и Шацкий—это активные члены ленинградской зиновьевской банды, убившей тов. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, то есть с одними из главных организаторов убийства тов. Кирова. Значит, на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил:

«Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место... Последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу или не ставил?

Тогда он говорил—«нет». Теперь, два дня тому назад, он сказал—«да». Тогда он говорил—«нет», потому что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей этого кошмарного преступления, потому что тогда, по состоянию следственного материала, не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил—«нет». Сейчас, когда все уже вскрыто, он говорит—«да».

Характерный факт! Он свидетельствует, какую большую решающую роль играли в этой преступной Каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно притти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему там место. А ежели не потеснится? И не освободит ему там место? Тогда он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории—к «фантазерам». Фантазии тут не мало. А желания претворить эту фантазию в практику, в жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюр, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств —много, на это Каменев шел, к этому Каменев был готов.

Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами этих великих строителей социализма...» А надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймою, портрет тов. Кирова. Каменев клялся на суде перед портретом убитого Каменевым Кирова!

«...перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня не хватило сил самому уйти и увести кого можно было...»

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

Троцкистско-зиновьевский центр убил товарища Кирова

Выше я поставил вопрос: была-ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да он был, он возник в 1932 году. В его составе были Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре, как единственном средстве борьбы против руководства советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного представителя этой конспиративной школы Троцкого — Зиновьева—Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольцмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал, он пустил в ход не только методы прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он спарил германских троцкистов используя их для борьбы с нашим руководством и используя их связи с германским Гестапо в лице Тукалевских, П. Ольберов и т. п.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе в этой части и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя самыми грязными и циничными способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Убийство Сергея Мироновича Кирова входило, как я уже сказал, в общий план подготовлявшихся заговорщиками убийств руководителей советского государства и ВКП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 г. Зиновьев дал ему на этот счет прямую директиву. Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым с представителями Троцкого — Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят: «Бакаев, с целью подготовки убийства был направлен в начале ноября 1934 г., т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном в г. Ленинграде для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву, сообщил об этом Евдокимову, Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Киеве.

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые посмеют это оспаривать в своих защитительных речах.

После длительного запирательства на предварительном следствии, Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 г. на даче у Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий) было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Кареву—против тов. Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 г.—год оживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско-зиновьевского центра, и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основательная подготовка к убийству тов. Кирова.

Каменев говорит: «я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Было известно. Как же после этого вы позволяете себе говорить, что вы не принимали практического участия в осуществлении убийства Кирова! Ваша попытка свалить все это на Зиновьева—просто недоброкачественна.

Каменев говорит так: «было решено убить, и добавляет—«я к этому решению присоединился». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно запирался на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов, и тогда уже, после этого, Бакаев признался. Именно поэтому—в виду полного сознания Бакаева я и отказался от допроса Карева на суде.

Убила Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котолынова, его группа. Но кто еще убил? Я спрашивал Зиновьева: Когда организовался об'единенный центр? Зиновьев ответил: Летом 1932 года. — В течение какого времени он действовал? Зиновьев: Фактически до 1934 года...

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—33 гг. Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Известно, что в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 года, а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал. Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как, например, Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел: «я же ничего не сделал, я же сидел», скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 года, но мы знаем, что Смирнов организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым Смирнов сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев, ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев, Каменев—они были организаторами центра, они дали направление деятельности своих террористов, всех этих Пикелей, Дрейцеров и других. Они же в полной мере и должны отвечать за это, независимо от того, находился ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно, и на этом подробно, я думаю, можно не останавливаться. Как руководители, они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность цент-

Окончание на 3 странице

*) Продолжение. Начало смотри № 196 „Большевик“

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Речь государственного обвинителя прокурора Союза ССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

(ОКОНЧАНИЕ)

ра? Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства». Я спросил: Против кого? Зиновьев ответил: Против руководителей. Я спросил: То-есть против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией?

Зиновьев: Да, нашим центром.

Я спросил: В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян?

Зиновьев: Да.

На мой вопрос: Значит, вы организовали убийство Кирова?

Зиновьев ответил: Да.

За это преступление и должны отвечать Зиновьев и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян, и все остальные.

Наиболее упорно запирается Смирнов. Признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда он сказал это в несколько юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Дрейцеру, он им сказал: «Вы хотите вождя? возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым. Смирнов был руководителем троцкистского подполья. Не случайно Зиновьев и Каменев рассматривали его как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 г. был в Берлине и встретился там с Седовым, и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью.

Мы его спросили: где же логика? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это передавать другим членам подполья? Передавать, да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не заикнулся о своем несогласии с этой установкой. Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 г. была? — Была. Седов—сын Л. Троцкого—является его ближайшим и первым помощником во всей его политической деятельности? —Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил?—Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре?—О терроре это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения в конце концов, это совершенно безразлично. Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит это была «установка», и иначе и быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с нею, он, как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер, должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы, Смирнов—это не Гольцман. Гольцман—это ухудшенное издание Смирнова, но Смирнов—не Гольцман. Смирнов—это Смирнов. Он—руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы! А основная линия этой группы — террор. И если он говорит, что в 1931 г. он слова Седова не понял, как установку, а принял их, как его личное мнение, то в 1932 г. он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что это было чье-то «личное мнение», да, ибо если это и была действительно «личная» установка, то установка Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение, линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 г. Получили директиву и от Дрейцера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 г. вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убрать Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: я получил его, но не принял. Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все таки сохранили в себе понятие политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, пересланное вам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому вы и говорите—я порвал, я ушел. Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Мы можем утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре и вы ее приняли. Вы не были бы Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто не поверит потому, что вы на этом суде не сказали и не хотите сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Путна. Вы хотели сохранить резерв, который, может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

Первое. Смирнов был членом об'единенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он—один из важнейших организаторов центра.

Второе. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление его деятельности.

Третье. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что получив эту директиву он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: ну, террористическая основа, ну, террористические настроения, разговоры о том, что террор есть единственное средство,—но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп, на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора, и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь товарищ Сталин и тов. Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов, этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист, должен был направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии, руководителей нашей страны. Смирнов убеждал Зиновьева: давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее убьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипятится, как бы не отстать...

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопится. Он говорит: в один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению, средство,—убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство тов. Кирова было совершено в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер Ваганян должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

Маска с обвиняемых сорвана

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева полностью установлена и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали Кирова, а поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать.

Смирнов прекрасно понимает это и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 г., а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолирован. Он все отрицал —он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 г., он отрицал существование такого центра в 1932 г.—он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «я это отрицаю, еще раз отрицаю, отрицаю». Это единственно, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакой директивы о терроре не получали, но вас в этом изобличил Гавен, и вы признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. «Сугубо законспирированный троцкист» Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить. Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов,—я признаю все, кроме террора,—потому что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изобличил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер.

21 июля вы, Смирнов, дали несколько иные показания, т.-е. вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло.

На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке». Я могу это повторить: «Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?» Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», а потом вы все же кое-что признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора и таким образом вы являлись одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помешал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогали этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии, в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова—его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет, и на личные счеты он сваливать не может. Он говорит: «не помню», «очевидно, такой разговор мог быть». Его спрашивают: был разговор об организации террора? «Не был, а мог быть». Такая же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маскируясь, говорит: «мне на это нечего отвечать». Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 г. этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него вначале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде, можно притти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и то, что он сделал, достаточно, чтобы дать ему статью 58—8, 19—58—8, 58—11 Уг. Кодекса.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он явился по сути преемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем, фашистским агентом и доверенным лицом Гимлера, начальника фашистской черной охраны и начальника германских охранных отрядов, а впоследствии начальника германского Гестапо.

Вы помните все их показания, и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью, категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, старался показать, как глубоко и низко было падение этих людей, и моральное и политическое. И, может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это то, о чем говорил здесь Рейнгольд. Я говорю об их плане уничтожения следов злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен, как злобный ненавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, с громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения тех целей, которые он перед собой поставил!

Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым неумолимым исполнителем этого плана! Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовляющемся государственном заговоре, и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль-Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, в которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль-Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, но не в этом вопрос и не в этом суть. Это—один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страны. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки, но позвольте, а убийство зиновьевского секретаря Богдана—это что?! Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека.

Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого открещивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению об'единенного центра! Ты колеблешься осуществить задание нашего об'единенного троцкистско-зиновьевского центра? — Тебя убьем или сам убей себя»... Так говорил Богдану Бакаев и Богдан не выдержал.

Это было началом плана, разработанного Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить, как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или итти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами «работы» этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова, как авторов ряда тяжких преступлений.

Взбесившихся псов—расстрелять всех до одного

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час—час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны, победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «Народной воли», пытались сравнивать кое кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством. Называли и имя Гершуня, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики.

То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполином, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев. Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы—кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречными, действовал во времена «Народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу,—я решительно отмечаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами—преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы—вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые пред'являет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые пред'явлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять—всех до одного!

Последнее слово подсудимых

Вечернее заседание 22 августа

Первым получает слово МРАЧКОВСКИЙ.

Подсудимый Мрачковский начинает свое последнее слово с автобиографии. Затем он говорит:

— В 1923 г. я стал троцкистом. Я встал на путь подлый, на путь обмана партии. На прошлых заслугах надо поставить крест—прошлого не существует. На настоящем крест не поставишь. Я контрреволюционер...

—Я не прошу,—продолжает Мрачковский,—смягчить мне наказание. Не этого я хочу. Я хочу, чтобы поверили, что я сказал на следствии и суде всю правду. Я хочу уйти из жизни, не унося с собой никакой пакости.

— Почему же я,—говорит далее Мрачковский,—стал на контрреволюционный путь? Связь с Троцким, вот что меня к этому привело, вот с каких пор я начал обманывать партию, обманывать ее вождей. Могут сказать: не помогла партия, может быть, можно было оторвать от контрреволюции и спасти парня, а партия не приняла мер. Неверно это. Партия сделала все, чтобы оторвать меня от контрреволюции. Партия помогала и крепко помогала мне.

— Я сказал, пожалуй, все,—заканчивает Мрачковский. Пусть все помнят, что контрреволюционером может быть не только генерал, не только князь или дворянин, но могут быть контрреволюционерами и рабочие или выходцы из рабочих, такие как я. Я ухожу как предатель своей партии, как изменник, которого надо расстрелять, и прошу об одном, чтобы мне поверили, что я на следствии всю эту блевотину выплюнул.

* *

— Кто нам теперь поверит хоть в одном слове?—начинает подсудимый Евдокимов.—Кто поверит нам, разыгравшим гнусную комедию у свежей могилы убитого нами Кирова, нам только случайно и то не по нашей вине, не ставшими убийцами Сталина и других вождей народа! Кто поверит нам, представшим перед судом, как контрреволюционная бандитская шайка, как союзники фашизма, Гестапо? Разве хоть-бы у одного из нас, осужденных во время прошлогоднего ленинградского процесса зиновьевцев дрогнуло сердце при мысли об оставшихся на воле сообщниках, хотя, сидя в тюрьме, мы знали, что каждый день, каждый час может раздастся новый злодейский выстрел. Никто из нас не сделал того, что должен был бы сделать, если бы хотя тончайшая нить связывала бы нас с делом революции.

Мы от фашистов отличаемся очень невыгодно. Фашизм прямо и открыто написал на своем знамени «смерть коммунизму». У нас все время было на устах «да здравствует коммунизм», а на деле борьба против победившего в СССР социализма. На словах—«да здравствует всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)», на деле — подготовка убийств членов Политбюро Центрального Комитета партии, одного из которых мы и убили. На словах «долой империализм», на деле—ставка на поражение СССР в борьбе с международным империализмом.

— Троцкий,—продолжает подсудимый Евдокимов,—не сидит вместе с нами на на скамье подсудимых, так как находится за границей. У него две перспективы: либо исчезнуть немедленно и бесследно, как исчез Азеф, не только с политической арены, но вообще с арены жизни, перейти в небытие, спрятаться по какой нибудь фальшивке, как спрятался Азеф, либо предстать в свое время перед пролетарским судом.

—Не нахожу возможным,—заканчивает свое последнее слово Евдокимов,—просить о снисхождении. Слишком велики наши преступления и перед пролетарским государством и перед международным революционным движением, чтобы мы могли расчитывать на снисхождение.

* * *

—Политический вес и биография каждого из нас,—говорит Дрейцер,—не одинаковы в прошлом. Но став убийцами, мы сравнялись здесь. Я во всяком случае принадлежу к тем, кто не в праве ни расчитывать, ни просить о пощаде.

* * *

—Как бы ни решалась наша судьба,—говорит в своем последнем слове подсудимый Рейнгольд,—но мы уже расстреляны политически. Представитель государственного обвинения голосом 170-миллионного советского народа потребовал для нас, как для бешеных собак, расстрела. Я знал, куда я иду и на что я иду. Я и вся сидящая здесь террористическая троцкистско-зиновьевская организация разоблачены этим процессом, как ударный отряд, ударный белогвардейский фашистский отряд международной контрреволюционной буржуазии.

—Круг сомкнулся. Конец политическому маскараду, конец бутафории с оппозициями, дискуссиями, платформами. На место оппозиции стал государственный заговор, на место дискуссии и платформы —пуля и бомба.

Рейнгольд заканчивает:

Окончание на 4 стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Последнее слово подсудимых

(ОКОНЧАНИЕ)

—Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень—верного оруженосца Смирнова.

—Свою вину я признал полностью—не мне просить о пощаде.

*

—Я виновен в убийстве Кирова,—заявляет Бакаев,—я принимал непосредственное участие в подготовке других террористических актов против руководителей партии и правительства. Я готов нести ответственность во всей ее полноте. Мы, троцкисты и зиновьевцы, работали не только на пользу международной контрреволюционной буржуазии, но работали рука об руку с агентами самого злейшего врага рабочего класса—фашизма.

—Факты, приведенные перед судом, показывают всему миру, что организатором и вдохновителем троцкистско-зиновьевского контрреволюционного террористического блока и душой его является Троцкий. За интересы Зиновьева и Каменева я проливал свою голову. Мне глубоко претит сознание того, что стал послушным орудием в руках Зиновьева и Каменева, стал агентом контрреволюции, что я поднял руку на Сталина.

Бакаев обращается к Зиновьеву с обвинением в том, что тот не был откровенен на суде.

Бакаев заканчивает свое последнее слово заявлением, что понимает всю тяжесть преступления и ждет заслуженного и справедливого приговора пролетарского суда.

* *

Подсудимый Пикель дает детальный обзор истории развития троцкистско-зиновьевской оппозиции, ставшей бандой контрреволюционеров-террористов. Он заявляет, что уже с 1925 г. борьба этой оппозиции против партии, ее Центрального Комитета носила все элементы политического бандитизма. Эта борьба началась с гнусных инсинуаций против руководства партии и кончилась террористическими актами.

—Вывод может быть только один,—говорит Пикель.—Мы представляем собой самую озверелую шайку уголовных преступников, являющуюся ничем иным, как отрядом международного фашизма. Троцкий, Зиновьев и Каменев были нашим знаменем. К этому знамени тянулись не только мы, подонки советской страны, но и шпионы, диверсанты и агенты иностранных государств.

—Последние 8 лет являются для меня годами подлости, годами жутких, кошмарных дел. Я должен понести заслуженное мною наказание.

* *

На этом вечернее заседание заканчивается.

(ТАСС).

Утреннее заседание 23 августа

На утреннем заседании 23 августа продолжаются последние слова подсудимых.

*

—Я вместе с Зиновьевым и Троцким,—заявляет Каменев,—был организатором и руководителем террористического заговора, замышлявшего и подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей страны и осуществившего убийство Кирова.

10 лет, если не больше,—продолжает Каменев,—я вел борьбу против партии, против правительства советской страны, лично против Сталина. В этой борьбе я использовал, мне кажется, весь известный мне арсенал политических средств—открытую политическую дискуссию, попытки проникнуть на фабрики и заводы, нелегальные прокламации, подпольные типографии, обман партии, выход на улицу и организацию уличных выступлений, заговор и, наконец, террор.

*

—Я изучал когда-то историю политического движения и не могу вспомнить такой формы политической борьбы, которую мы не проводили бы за последние 10 лет. Нам в нашей политической борьбе пролетарская революция предоставила такой срок, какой никогда ни одна революция не предоставляла своим врагам. Буржуазная революция XVIII века давала своим противникам [illegible] затем уничтожала их. Пролетарская революция 10 лет предоставила нам возможность исправиться и понять свои ошибки. Но мы этого не сделали. Я трижды был возвращен в партию. Я был возвращен из ссылки по одному лишь моему личному заявлению. После всех моих ошибок мне доверялись ответственные поручения и посты. Я сейчас стою третий раз перед пролетарским судом по обвинению в террористических намерениях, замыслах и действиях. Дважды мне была сохранена жизнь. Но всему есть предел. Есть предел великодушию пролетариата, и этот предел мы исчерпали. Я спрашиваю себя,—говорит далее Каменев,—случайность ли то, что рядом со мною, Зиновьевым, Евдокимовым, Бакаевым, Мрачковским, сидят эмиссары иностранных охранок, с фальшивыми паспортами, с сомнительными биографиями и с несомненными связями с Гестапо? Нет! Не случайность это. Мы сидим здесь рядом с агентами иностранных охранок, потому что наше оружие было одно и то же, потому что руки наши переплелись раньше, чем судьбы наши переплелись здесь, на этой скамье.

—Так,—заканчивает Каменев,—служили мы фашизму, так организовывали мы контрреволюцию против социализма, подготовляли, расчищали дорогу интервентам. Таков был наш путь и такова та яма презренной измены и всякой мерзости, в которую мы свалились.

*

—Я хочу еще раз сказать,—начинает свое последнее слово подсудимый Зиновьев,—что признаю себя целиком и полностью виновным. Я виновен в том, что был вторым после Троцкого организатором троцкистско-зиновьевского блока, поставившего себе целью убийство Сталина, Ворошилова и ряда других руководителей партии и правительства. Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова.

*

—Партия,—продолжает Зиновьев,—видела, куда мы идем, и предостерегала нас. В одном из своих выступлений Сталин указывал, что среди оппозиции могут возникнуть тенденции насильственным путем низвергнуть руководство партии. Дзержинский еще перед XIV съездом партии на одном из совещаний назвал нас [illegible]. Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Дзержинский, Микоян всячески пытались нас убедить, спасти нас. Они десятки раз говорили нам: вы можете причинить огромный вред партии и советскому государству, вы сами при этом погибнете. Мы не послушались этих предостережений. Мы вступили в союз с Троцким. Мы стали заместителями [illegible], эсеров, белогвардейцев, которые не могли выступать открыто в нашей стране. Мы стали заместителями эсеровского терроризма. Не дореволюционного терроризма, направленного против самодержавия, а право-эсеровского терроризма эпохи гражданской войны, когда эсеры стреляли в Ленина.

—Мой дефективный большевизм превратился в антибольшевизм, и я через троцкизм пришел к фашизму. Троцкизм это разновидность фашизма, а зиновьевщина—разновидность троцкизма.

—Вы мне поверите граждане судьи, что наибольшим наказанием, чем все что мне предстоит, был для меня момент, когда я слушал здесь показания Натана Лурье и показания Ольберга. Я чувствовал и понимал, что мое имя будет связано с именами тех, которые стояли со мною рядом. По правую руку—с Ольбергом, по левую руку—с Натаном Лурье...

* *

В своем последнем слове Смирнов подробно останавливается на истории своей борьбы с партийным руководством после того, как он в 1929 г. был прощен партией и возвращен в ее ряды.

—Я вернулся в партию,—говорит Смирнов,—в 1929—30 гг., и партия сделала все, что могла, чтобы помочь мне стать на верные рельсы. Но я не сумел оправдать доверия.

Продолжая свое слово, Смирнов говорит, что уже в 1931 г. он вновь поднял борьбу с руководством партии.

—Это была моя ошибка, которая переросла затем в преступление. Это толкнуло меня на восстановление связи с Троцким, толкнуло на искание связи с группой зиновьевцев, это привело меня к блоку с группой зиновьевцев, к получению в ноябре 1932 г. через Гавена директивы о терроре от Троцкого, привело к террору. Директиву Троцкого о терроре я передал блоку, куда входил в качестве члена центра. Блок эту директиву принял, стал действовать.

Затем, как и на предварительном и судебном следствии, Смирнов продолжает отрицать ответственность за преступления, совершенные троцкистско-зиновьевским террористическим центром после своего ареста.

Далее Смирнов обращается ко всем своим сторонникам с призывом твердо порвать с прошлым, бороться с троцкизмом и Троцким, заявляя: «нет другого пути у нашей страны, чем тот, по которому она идет, и нет и не может быть другого руководства, чем то, которое дано нам историей. Троцкий, который посылает директивы и установки на террор и рассматривает наше государство, как фашист свое--враг, он на другой стороне баррикады, и с ним надо бороться».

* *

Все мое политическое мировоззрение,—говорит Ольберг—сложилось под влиянием Троцкого и троцкизма. Я вслед за Троцким не останавливался ни перед террором, ни перед соглашением с фашистами. Цели троцкистской контрреволюционной организации и их безнадежность стали мне особенно ясны на этом процессе, на котором я со всей четкостью увидел, как жалки те лидеры троцкистско-зиновьевской контрреволюции, которые повели нас молодых по пути террористической борьбы, и как велика мощь советского государства... Я прошу Верховный суд дать мне возможность попытаться, хотя бы частично, загладить свои чудовищные преступления.

* *

В своем заключительном слове,—говорит Берман-Юрин,—я не хочу защищать себя какими-нибудь аргументами. Нет этих аргументов, я раскаялся, но поздно. Гражданин прокурор вчера в своей обвинительной речи дал полную картину моих преступлений. И пролетарское государство поступит со мною так, как я этого заслужил. Поздно сокрушаться.

* *

—Здесь,—говорит Гольцман,—на скамье подсудимых вместе со мной сидит компания убийц, не только убийц, а фашистских убийц. Я не прошу никакой пощады.

* *

—Мое преступление—ясно, оно доказано,—говорит Н. Лурье.

—Я не знаю что я мог бы еще сказать в мою защиту. В моем последнем слове я могу только пожалеть о том, что я делал... Но я слишком поздно об этом жалею.

* *

В своем последнем слове М. Лурье говорит:

—Я ничего не скрыл, в этом меня не могут упрекнуть. Прокурор требовал для меня сурового наказания. Но разве можно сравнивать мое преступление с преступлением моего главаря!

М. Лурье просит о применении к нему смягчающих вину обстоятельств.

* *

На этом кончается утреннее заседание.

В вечернем заседании 23 августа произносят последние слова подсудимые Тер-Ваганян и Фриц Давид.

* *

В последнем слове подсудимый Тер-Ваганян полностью признает свою вину перед советским государством и перед партией.

—Я подавлен,—говорит Тер-Ваганян,—тяжестью всего того, что здесь вскрылось. Я подавлен речью прокурора

Очень трудно, когда всем ходом своего преступления оказываешься на положении врага, фашиста, которого судит пролетарский суд. В такой момент было-бы, конечно, лукавством если бы я не сказал одного: хочется получить возможность приложить все усилия, чтобы заполнить ту пропасть, ту бездну, которая отделяет меня от бывших товарищей

—Я склоняю повинную голову перед судом и говорю: каково бы ни было ваше решение и как бы суров ни был приговор—я его принимаю, как заслуженный.

* *

—Я хочу заверить пролетарский суд,—говорит подсудимый Фриц Давид,—что я проклинаю Троцкого. Я проклинаю этого человека, который погубил мою жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление.

* *

В 7 часов вечера суд удаляется в совещательную комнату.

По Советскому Союзу

Рекорд Никиты Изотова

Горловка, 23. Приехав на каникулы на свою родную шахту, слушатель московской промакадемии, бывший забойщик шахты «Кочегарка», орденоносец Никита Изотов 23 августа в первой смене установил новый рекорд производительности отбойного молотка. Спустившись на 29 участок, Изотов вырубил за смену 114 квадратных метров, выполнив норму на 2280 проц. За смену Изотов заработал 385 рублей. Крепили за ним стахановцы Медведенко, Сидоренко, Миронов, Самойлов и Губарев.

Пятидесятитысячный трактор „Сталинец"

ЧЕЛЯБИНСК, 23. Вчера вечером на всех станках и агрегатах Челябинского тракторного завода им. Сталина появились красные флажки, говорящие о том, что сданы все детали для 50 тысячного трактора. Завод принял праздничный вид. Везде—портреты тов. Сталина, имя которого носит завод, флаги, плакаты с лозунгами.

Сегодня в 6 час. (по московскому времени) смена инженера Толстова сняла с конвейера юбилейный трактор. 50-тысячный трактор окрашен в красный цвет. На радиаторе трактора — портрет тов. Сталина, увитый цветами.



К военно-фашистскому мятежу в Испании. Артиллерия республиканских войск у Сиетаме близ Уэски на северном фронте. Орудие подготовляется к стрельбе. (Снимок представителя союзфото в Барселоне).

ВОЕННО-ФАШИСТСКИЙ МЯТЕЖ В ИСПАНИИ

Наступление правительственных войск в Эстремадуре

Лондон, 23 августа (ТАСС). На северном фронте мятежники снова бомбардировали Ирун и Сан-Себастьян, а также находящийся близ Сан Себастьяна форт Гвадалупе. В бомбардировке участвовал крейсер мятежников «Канариас». В Ируне от снаряда сгорело здание французского консульства.

При взятии республиканцами казарм в Хихоне из 600 мятежников, засевших в казармах, уцелело около 150 человек. Правительственные части захватили 500 винтовок, 50 пулеметов, 6 мортир и 2 скорострельных орудия. В казармах был обнаружен труп повешенного офицера, отказавшегося присоединиться к мятежникам.

В районе Тардиента, к северу от Сарагоссы, правительственная авиация бомбардировала позиции мятежников.

На фронте в Эстремадуре продолжается наступление республиканских войск. В провинции Бадахос отрядом правительственных войск, вышедшим из Хереса, мятежники выбиты из нескольких селений, оставив оружие и боеприпасы.

ПАРИЖ, 23 августа (ТАСС). По полученным здесь сведениям, сообщение агентства Гавас о занятии Кордовы правительственными войсками преждевременно. Бои за Кордову продолжаются на окраинах города. В руках республиканцев находятся предместья Кордовы, мятежники еще занимают центр города.

Вчера отряды фашистов предприняли атаку против правительственных войск, оказавших мятежникам решительно сопротивление и отбивших атаку. На поле сражения осталось убитыми около 100 мятежников, в большей своей части солдаты иностранного легиона.

В самой Кордове восстала гражданская гвардия, выступившая против фашистов. По сведениям агентства Гавас из Мадрида, республиканская авиация бомбардировала центр Кордовы, 58 бомб сброшено на здания, занятые мятежниками

МАДРИД, 23 августа. (Спец. корр ТАСС). Из Валенсии сюда прибыл новый транспорт продовольствия, восторженно встреченный мадридским населением. В связи с этим передают, что испанские крестьяне доставляют много продуктов питания безвозмездно, заявляя, что это лишь скромный вклад в борьбу против общего врага.

При обыске на мадридской квартире генерала Франко были обнаружены важные документы, разоблачающие многих высокопоставленных лиц. Ожидаются аресты.

Отравляющие вещества против испанского народа

МАДРИД, 23 августа. (Спец. корр ТАСС). Как сообщает каталонское агентство Фебус, беженцы из Сарагоссы рассказывают, что мятежники организовали в этом городе производство отравляющих веществ.

Зверства фашистов

МАДРИД, 22 августа. (ТАСС) Как сообщает барселонская газета «Солидаридад обрера», фашистскими мятежниками в Кордове за время их хозяйничанья в городе было расстреляно более тысячи рабочих. Фашистские палачи заставляли арестованных рабочих возводить укрепления вокруг города, по окончании же этих работ всех рабочих перестреляли.

Мадридская газета «Информасионес» (после подавления мятежа в Мадриде эта реакционная газета была реквизирована и передана социалистам) сообщает об ужасах в Монторо (в Кордовской провинции). Мятежники, захватив этот город, грабили население и насиловали женщин; расстреливали граждан лишь на том основании, что они, дескать, не члены католико-фашистских организаций. По словам газеты расстреляно было даже несколько сумасшедших. В ряде случаев мятежники обливали рабочих керосином и сжигали.

По сообщению барселонских газет, фашистскими мятежниками расстрелян видный деятель одной из партий народного фронта—«каталонской левой» («Эскерры») депутат кортесов Хозе Суньоль, издатель барселонской газеты «Ла Рамбла».

Германские и итальянские суда поддерживают контакт с судами мятежников

Лондон, 21. «Манчестер гардиан» подчеркивает, что германские и итальянские суда в Средиземном море все время поддерживают по радио контакт с судами мятежников и с их штабами. Два корабля мятежников, в этом числе военное судно «Эспания», снабжаются углем с помощью германских и итальянских судов.

План хлебопоставок выполнен

Нидерский колхоз «Первое мая» 16 августа первым в Гмелинском кантоне выполнил обязательство по хлебопоставкам, возврату ссуд и натуроплате за работу МТС.

Наши успехи—результат помощи и руководства партийной организации, методов стахановской работы, усердной работы лучших людей колхоза—комбайнеров ВАГЕНЛЕЙТНЕРА бригадира тракторной бригады тов. ПАУЛЬ и других.

Колхозники заверяют, что план осеннего сева будет выполнен с таким же успехом. Уборка хлебов будет закончена без малейших потерь.

Председатель колхоза **Лидер.**
Председатель сельсовета **Верле.**

* *

План хлебопоставок государству совхозом № 105 выполнен. Сдано 1160 центнеров пшеницы и 1736 центнеров ржи. План хлебосдачи по ржи перевыполнен на 420 центнеров.

Директор совхоза **Рис.**
Начальник политотдела **Лобов.**

КОМБАЙНЕРЫ-СТАХАНОВЦЫ НА УБОРКЕ

Андрей Фишер

Соревнующийся со знатным комбайнером Немреспублики Василием Полетаевым, комбайнер-стахановец Шентальской МТС тов. Фишер Андрей Егорович убрал на 20 августа 810 гектаров колосовых. На это же число тов. Полетаевым было убрано 961 гектар.

Казимир Грэф

За четвертую пятидневку августа комбайнером Урбахской МТС Казимиром Граф убрано колосовых 50,3 гектара. Всего с начала уборки агрегатом тов Грэф убрано 730,3 гектара. Граф Казимир занимает первое место по выработке в МТС.

Иосиф Дульзон

На 20 августа комбайнер Зельманской МТС тов. Дульзон убрал 689 гектаров. За четвертую пятидневку августа тов. Дульзоном убрано 57 гектаров.

Виктор Чернышкин

Список лучших стахановцев Немреспублики пополнился комбайнером тов. Чернышкиным. Работая в Вознесенской МТС, Виктор Чернышкин на 20 августа убрал комбайном 711 гектаров колосовых культур. Качество уборки признано хорошим.

По следам выступлений „Большевика"

Факты, изложенные в заметке «Торгуют сырым хлебом», опубликованной в газете «Большевик» от 9 августа, подтвердились. За недоброкачественную выпечку хлеба правление Мордовского сельпо виновника пекаря с работы сняло и хлеб в настоящее время выпекается хорошего качества.

Ответственный редактор П. РЫЖОВ.

Адрес редакции: город Энгельс, Линейная—12. Телефоны: редактора 1-12, секретариат—62, общий—4-86. Тип. НКМП АССРНП. Уполн. Главлита № Б-545. Тираж 13431.